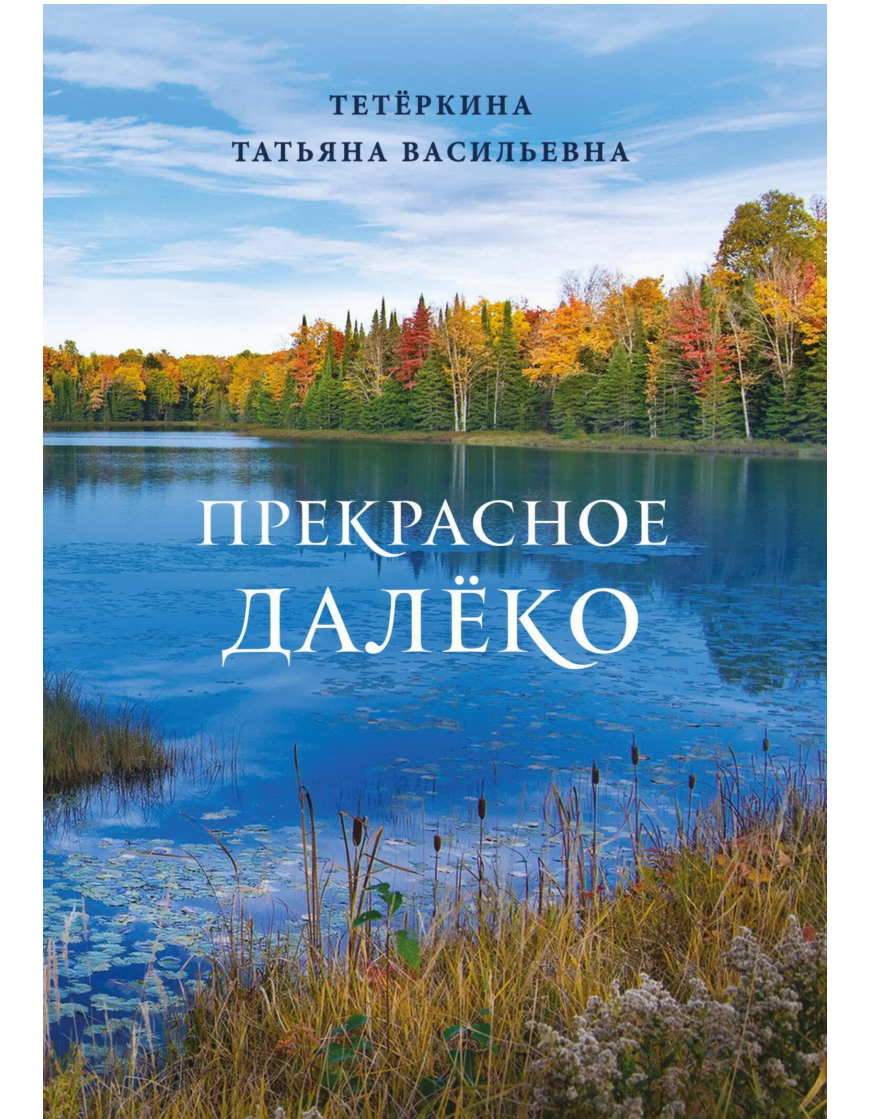

ТЕТЁРКИНА
ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА

ПРЕКРАСНОЕ
ДАЛЁКО

Татьяна Васильевна Тетёркина

Прекрасное далеко

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70267258

SelfPub; 2024

Аннотация

Все рассказы являются автобиографичными. Фотографии позаимствованы с просторов интернета без злого умысла, для наглядности упоминаемых в рассказах мест. Книга издана в авторской редакции.

Татьяна Тетёркина

Прекрасное далеко

Часть I

Цветные сны

Сюрприз

Сегодня праздник у ребят. Сегодня в школе Ёлка. Дед Мороз на празднике мой одноклассник, «Заслуженный дед мороз школы» Костя Курочкин. Праздник в разгаре дети поют, водят хороводы. Неожиданно Костя тихо шепчет: «Подмени минут на десять, в горле пересохло». Мы незаметно удаляемся. За спиной слышится шепот: «Дед Мороз за подарками пошел.»

Через пять минут в полном морозовском одеянии возвращаюсь в зал. Снегурочка загадывает загадки, зайцы пляшут, порхают снежинки. Вдруг за своей спиной слышу ехидненный голос: «А где подарки?». Вся толпа, забыв про песни и пляски бросается на деда Мороза с криками: «Где подарки? Давай подарки!» Они рвали мне шубу, дёргали бороду и всё громче кричали: «Подарки! Подарки!»

Дед, подобрав полы шубы бросился вниз по лестнице и резво свернул в женский туалет. Освободившись от костюма я медленно с достоинством вышла в коридор. Группа запы-

хавшихся разгоряченных мальчишек в один голос спросили: «Деда Мороза не видела?»»

Открытие

Весна. Погода теплая, солнце радостное, зелень свежая. Всё так и манит на речку, на природу. А в кабинете физики совершаются открытия. Кто-то определил размер молекулы, кто-то измерял скорость звука, кто-то увидел спектр водорода. В кабинете обычный рабочий говор, гудит трансформатор, завывает звуковой генератор, пощелкивает счетчик Гейгера. Всё это должен видеть и слышать учитель и лаборант в одном лице.

Но вот ухо моё из общего шума улавливает какой-то непривычный звук, похожий на мерный стук легкого молоточка. Иду на звук. Останавливаюсь у окна. Два мощных высоких десятиклассника слишком прилежно что-то пишут в тетрадях. Вдруг они не выдерживают и громкий хохот перекрывает все шумы. Один из парней просит меня заглянуть в глубь стола, а там...! Меленький пушистый желтенький цыпленок мирно клюёт пшено. Вот так открытие!

Прямой ответ

Июнь, жара, уже третий час идёт экзамен по физике, время кажется остановилось. У доски ученик, которого явно нужно вытянуть из грозившего ему неуда.

На кафедре, как соломинки для утопающих расставлены

приборы: трансформатор, разборная модель глазного яблока, различные линзы, спектроскоп. Желая спасти утопающего, наш преподаватель капитан первого ранга в отставке Николай Петрович спрашивает: «Молодой человек выберите из этих приборов наиболее знакомый Вам и расскажите о нём.» Сергей уверенно взял в руки модель глазного яблока и с гордостью дал чёткий ответ: «Это бельмо!» Можно было объявлять перерыв.

Сергей действительно был глух в физике, но на выпускном вечере он уверенно победил в конкурсе на лучшую эпиграмму. Эпиграмма была обращена ко мне, в ней было точно подмечено, что нельзя обидно подшучивать над учеником. С тех пор я уже тридцать лет очень внимательно слежу за своей речью.

Новый ученик

Вечер. Ненавистная вторая смена, дети устали и только из вежливости делают вид, что слушают. Без стука открывается дверь, и завуч школы сажает в класс нового мальчишку. Он удобно устраивается на «Камчатке». Урок продолжается, слышно, как перья скрипят, даже известный баламут Колька уже не дёргает за косу Марину, не гремит о край парты железной линейкой.

Новый ученик не сводит с меня своих глаз и равномерно роняет стеклянный шарик в углубление на парте. Он видит, что я вижу и слышу. Этот эксперимент на выдержку продол-

жается до звонка. Как оказалось, парень сменил уже не одну школу. Не прошло и трёх лет, как он оказался в колонии, затем в тюрьме и очень скоро его земной путь закончился.

Чудной сон

Начало лета. В воздухе разлит аромат цветущего шиповника, едва колышутся, похожие на девичьи косы ветви березы. Ветхое здание начальной сельской школы отдано нам, трудовому лагерю. Наша задача прополка морковки на колхозных полях. Мы учителя организуем здоровое питание, занятия спортом, танцы, беседы о поэзии и живописи.

В 22-00 линейка, где подводятся итоги дня. Кто-то получает заслуженные награды, кто-то сам говорит о своих неудачах. В 23-00 отбой. Санитарный контроль проверяет чистоту пяток и подаёт в кровать кружечку тёплого молока.

Лагерь тихо засыпает. Можно выйти в поле и посмотреть в глубокое тёмно-синее небо. Звёзды почему-то кажутся такими крупными, близкими, что иногда кричу им: «Я здесь...!»

Усталость берёт своё, иду к себе и тут же проваливаюсь в сон. Далеко за полночь во сне чувствую какую-то тревогу, открываю глаза и вижу в окне голову белой лошади с огромной гривой, а в седле человека с двумя головами. С трудом понимаю, что это не сон.

Утром в лагерь приходил участковый милиционер, искал двух ребят, тех, что угнали в колхозе белую лошадь.

Пушкин наше всё.

(Вот такая физика)

В каждой школе есть такие классы, куда учителя не любят ходить и даже бояться. Был такой класс и у меня. Пятнадцатилетние, какая уж там физика. Дисциплину держать практически невозможно. Можно писать жалобы директору, звонить родителям, но всё это полумеры.

Если долго искать выход, он обязательно найдётся. В конце урока, совершенно неожиданно я рассказала ребятам, что у Пушкина не всё ладилось с точными науками. Учитель математики нередко украшал журнал единицей. Звонок прозвучал в полной тишине, а я дала ребятам слово, что в конце каждого урока мы будем говорить о Пушкине. Из наших коротких бесед они узнали, что Пушкин жил среди забот, волнений, любил, страдал, дружил, испытывал материальные трудности, был женат на красавице, имел четверых детей и погиб на дуэли.

Дисциплина наладилась. Если я на уроке увлекалась своей наукой, мне вежливо указывали на часы и напоминали: «пора говорить о Пушкине». Самой большой наградой для меня стало признание отъявленного лоботряса Лёшки Никитина. На последнем уроке физики он сказал: «Спасибо. Я окончательно понял, Пушкин был тоже человек!».

Чудо! Чудо!

Что такое лето! Лето – это большой учительский отпуск,

это свобода, это речка, поле, чай в беседке допоздна, ночные разговоры и, конечно, это книги, не прочитанные зимой. А еще лето- это когда можно смотреть в бездонное голубое небо и следить как неспешно плывут причудливые облака.

Под моими окнами река Дубна, за рекой поле. Поле уходит в даль, и земля кажется похожей на глобус. На краю поля деревня, в деревне храм. Он почти не виден. Но его можно слышать. По утрам в воскресные дни издалека приходит нежный хрустальный призывный колокольный звон. Благовест. В один из таких дней наши «девочки» семьдесят плюс решили пойти в храм за реку на службу. Кто не смог пойти, передали мне записочки о здравии и о упокоении своих близких с вечера. Река наша не глубокая, перейти её вброд не составляет труда, думала я, но противоположный берег очень крутой и подняться вверх будет практически невозможно. Ночью я не спала и уже решила от этой идеи отказаться. К утру забылась тревожным сном и в семь часов была на ногах. Собралась духом, перекрестилась и пошла на берег ждать своих подруг.

Река, к моему удивлению, была по щиколотку, но то что я увидела на противоположном высоком берегу меня не удивило. Потрясло!!! По крутому берегу от самой воды до верха были отрыты ступеньки, кроме как Божьим промыслом объяснить это явление я не могла. Мысли мои порхали как бабочки. Кто? Когда? Для кого? Вдалеке слышались голоса моих подруг. Я бросилась к ним с вопросом: «Видите вы это

чудо?» Одна из подошедших высокая седоволосая строгая дама ответила: «Да какое же это чудо? Это Димка Козаков вчера вечером на тот берег свою капусту окучивать ходил».

Встреча

Жила и выросла я в одноэтажном деревянном доме. За границей нашего сада начинается городской стадион. Туда родители безбоязненно отпускали меня гулять. Я знала всех волейболистов, футболистов. Для них я была живая красивая кукла с огромным бантом. Некоторые даже считали, что я приношу их команде удачу. После соревнований меня бережно переправляли через забор в руки моего деда и получали угощение – крупные, красные, теплые яблоки.

Иногда по воскресеньям на стадион приезжали московские артисты и давали концерты. Сценой служила большая грузовая машина с опущенными бортами. Машину ставили в середине футбольного поля, зрители располагались на трибунах и начинался концерт. Метрах в ста от поля стояла лыжная база, готовое рассыпаться старенькое здание. Там переодевались к выходу артисты. Именно в разгар такого праздника мама позвала меня домой. Я пыталась от неё убежать, стрелой влетела на крыльцо базы, оказалась в полутемных сенях и врезалась во что-то тёплое, мягкое, душистое. Нежные руки обняли меня. Я посмотрела вверх и увидела много, много рядов красивых бус, роскошный сарафан, широкие рукава белой блузы и лицо. Это лицо я вижу и сейчас.

Красивые, добрые глаза с нежностью смотревшие на меня. За своей спиной я услышала голос мамы: «Дочь! Куда! Это же Русланова!».

Не знаю можно ли помнить запах, но сейчас, когда я беру в руки флакон французских духов, я вижу её лицо и слышу мощный красивый русский голос.

Послушник

Весна в этот год выдалась яркая, жаркая, а по календарю шла Страстная неделя, последние дни перед великим праздником Пасхи. Голосую на обочине шоссе, чтобы доехать до ближайшей цивилизации – деревни Иудино. Там автостанция. Магазины, храм. Надежды, что кто-нибудь остановится, почти никакой. Неожиданно меня привлёк звук отнюдь не характерный для пролетающих мимо машин. Казалось, что по дороге кто-то тащит авоську с пустыми консервными банками. Звук прекратился, передо мной остановился автомобиль. Это был старенький «Жигулёнок». Дверца приветливо распахнулась, и я услышала долгожданные слова: «Может быть Вас подвезти?» За рулём сидел молодой человек в стареньком подряснике и такой же старенькой скуфейке. Я с радостью погрузилась, и мы тронулись в путь. Во время поездки откидывалась крышка «бардачка». По салону почему-то летал молочный алюминиевый бидончик. Я молилась, чтобы нас остановил хоть какой-нибудь милиционер и он остановил. Козырнул, заглянул в машину и подал знак следовать

дальше.

Наконец в дали показались голубые маковки храма. Я спасена! По дороге мне удалось узнать, что водитель послушник из Троице-Сергиевой Лавры. Прощаясь с молодым человеком, я захотела его как-то отблагодарить. Я робко спросила, не могу ли я дать ему немного денег. Мне показалось, что своим вопросом я его несколько смутила. Молодой человек нерешительно кивнул. Мы тепло распрощались, и я осталась на солнышке ждать рейсового автобуса. Взгляд мой задержался на выходящем из магазина послушнике. Он медленно шел к своей машине нежно, благоговейно прижимая к груди буханку ржаного хлеба. Время от времени он отламывал хлеб и ел его, как едят нечто долгожданное вкуснейшее, наслаждаясь каждым кусочком, каждой крошкой. Хлопнула дверца машины, а из глаз моих хлынули слёзы.

Откровенный разговор

Макушка лета, разнотравье, вдоль реки стеной стоит Иван-чай, разливают в воздухе тончайший аромат. В вышине звенят жаворонки, в воздухе проносятся разноцветные бабочки, мелькают блестящие стрекозы. Руки до земли оттягивают два ведра огурцов, так и хочется высыпать их у обочины дороги и бежать, раскинув руки по полю. Встретить здесь кого-либо нет никакой надежды. Невесёлые мои мысли прерывает звук приближающегося автомобиля. Чудо, удача! Рядом со мной остановился «каблук». Из машины вышел

мужчина поздоровался, решительно забрал мою поклажу и предложил довезти до деревни.

Ехали без дороги по полю. Я начала разговор о наболевшем. Не стесняясь в выражениях ругала, администрацию совхоза, его директора, агронома. Директор совхоза распорядился распахать грунтовую дорогу, ведущую к нашим дачам, агроном сыпал весной дорожные удобрения на заливные луга без меры. Летом на этих лугах пасутся стада, заготавливают свежую траву на силос. Водитель слушал, кивал головой. В конце своего монолога я заявила: «Вот бы попался мне этот директор, я бы ему всё высказала». Деревня была совсем рядом, мы благополучно доехали и стали прощаться. Водитель протянул мне руку и спокойно сказал: «Очень приятно было с вами пообщаться, услышать справедливую критику, директор совхоза Семён Степанович Земцов. Счастливого Вам пути!».

«Любимый» ученик

В середине года в десятый класс приняли девушку. Вживую такой красоты я, пожалуй, не встречала. Наши парни потеряли покой.

Тёмный дождливый вечер, в школе тепло и уютно. Диско-тека. Дети танцуют, учителя, верные стражи порядка, мирно беседуют в учительской. Когда учитель в школе, он не позволяет себе полностью расслабиться: он острее слышит, боковым зрением замечает, если что-то идёт не так. В какой-то

момент мне показалось, что в школе стало тихо. Почти бегом направляюсь в зал и уже на подходе ощущаю, что окружающий меня воздух заполнен мощным электрическим полем, в зале мёртвая тишина. Кожей я почувствовала опасность. К одному из наших парней кошачьей походкой приближается чужой человек. В моей голове пронеслось. Сейчас он меня убьёт, и я решительно подошла к этому человеку со спины. Со словами – Тихо, тихо – взяла его за локоть. Локоть – это была кость, покрытая какой-то жидкой кожей. В ушах у меня звенело. Человек резко повернулся ко мне и сказал: «Ба, моя любимая учительница!» И поцеловал меня в макушку. Я, повторяя как заклинания слова «тихо, тихо», направилась с ним на выход из школы. У крыльца его ждала машина. Уехал. А меня в течение десяти минут бил тяжелейший озноб, зубы стучали, руки дрожали, ноги отказывались слушаться.

Выяснилось, что он приехал за своей девушкой, той самой девушкой неземной красоты. Она танцевала с одноклассником, и «гость» решил его наказать. Не случилось. Гость оказался отъявленным наркоманом, недавно вернувшимся из мест заключения. Не прошло и полугода, как он был опять арестован, о судьбе красавицы ничего не известно.

Подарок

Мураново! Чудное место! Вступая в прекрасный музей, погружаешься в атмосферу дворянской усадьбы. Вам кажет-

ся, что вы приехали в гости и сейчас будем пить чай из самовара с земляничным вареньем. На закате хозяин будет читать свои стихи.

Нам не дано предугадать.

Как слово наше отзовётся,

И нам сочувствие дается,

Как нам дается благодать.

Когда родители передают тебе с рук на руки своего ребенка, они ждут, что ты будешь не только учить, но и воспитывать. Воспитывать, а как?

Не все знают, что в глубине Мурановского парка стоит маленькая домашняя церковь и служит в ней замечательный человек отец Феофан. Его деятельность распространяется далеко за пределы прихода. Он окормляет Софринский полк, выезжает в Чечню, его знают и любят солдаты.

Приближался Новый год. Класс мой решил собрать ёлочные игрушки и отправить нашим воинам в Чечню. Самый быстрый и короткий путь через Мураново, через отца Феофана. Семь моих самых непоседливых и шумных парней вызвались везти необычную посылку, преодолевая часть пути на автобусе, часть на электричке и довольно внушительную часть в мороз по открытому полю пешком. В церкви никого не оказалось. Спустились вниз под обрыв в трапезную, постучали в дверь и к нам вышел солдатик. Именно солдатик, очень худенький и как будто даже робкий. Мы объяснили, что привезли ёлочные игрушки чтобы передать их в Чечню.

Солдатик принял коробку и с каким-то детским восторгом без конца повторял:

– Игрушки для ёлки?! Игрушки для ёлки?!

Он медленно шагнул вглубь помещения, держа коробку перед собой, как величайшую драгоценность. Через минуту ребят пригласили войти внутрь. Пожилая женщина угостила их киселём с куском ароматного ржаного хлеба. На дорогу она подарила каждому тёплую просфору и низко поклонилась.

Всю обратную дорогу мои сорванцы тихо общались между собой. Просфоры не съели, привезли домой. Работаю, нет, служу, тридцать лет и всё время задаю себе вопрос: «Воспитывать? А как?».

Загадка

Июнь. Красивый яркий месяц. Солнце высоко, день длинный, ночь короткая. Учебный год закончен, и старшеклассники засобирались в поход на 2-3 дня, чтобы палатки и костёр и песни всю ночь под гитару. Выбрали место- «Чёрные озёра». Ехали, а затем шли вдоль опушки светлого берёзового леса. Я шла последняя и слышала за спиной приближающуюся машину. Чтобы предостеречь группу обернулась посмотреть, кто едет. Никакой машины не было. В полуметре от меня стояла стена мощного ливня, а впереди светило солнце. Через несколько секунд на нас обрушились потоки воды.

На место пришли в сумерках. Озеро действительно было чёрное, а на поверхности плавали белоснежные лилии. Все встали, как замороженные. Сумерки сгущались, нужно было торопиться: ставить палатки, собирать хворост, готовить ужин. И вдруг кто-то крикнул:

– Лилии! Куда делись лилии?

Мудрая рассудительная Галя сказала:

– Лилии закрылись и ушли на дно. Завтра будет дождливый день.

Ей никто не поверил. Все говорили, что лилии ушли спать. Была ночь, был костёр, были песни под гитару и долгие разговоры. Заснули, когда уже начинало светать. Разбудил всех ливень, наверное, тот самый, что встретился нам по дороге. Костёр не развести, еду не приготовить. Мудрая Галя разносила по палаткам сухой паёк. Примерно через час ливень перешёл в тихий тёплый затяжной дождь. Палатки стали протекать, надо было сворачиваться. Быстрым маршем вышли из леса и направились к остановке автобуса. Все шли, уныло опустив головы, и только Галя бережно несла роскошную белую лилию. Загадка.

Люби и помни

Учителя. С какой теплотой и благодарностью мы вспоминаем их. Сейчас с высоты прошедших лет понимаешь, что они отдавали свои силы, своё время, своё сердце нам. Все мои учителя были личности с большой буквы.

Учитель рисования с группой старшеклассников ночами готовили декорации к Новому году. Директор школы заложил во дворе яблоневый сад и каждое дерево было под охраной группы ребят.

В тёмные осенние вечера можно было посидеть у «костра» в просторном школьном зале. Конечно, костёр был искусственный и вверх взмывали языки пламени из ярко-красного шелка, подгоняемые, спрятанным в дровах вентилятором. Допоздна светились окна физического кабинета, а в актовом зале весь вечер шли репетиции. В школе всегда был театр. Был театр учительский и так называемые драмкружки для учащихся. Играли всё. Отрывки из русской и советской классики, сказки. Как в любом театре было много курьёзных случаев.

Играли «Медведя» А. Чехова. Чтобы стреляться, взяли в качестве оружия какие-то детали из автокабинета. А когда в конце спектакля героям нужно было целоваться, должен войти слуга Степан с топором и закрыть занавес. Степан то вышел, а занавес никак не закрывался. Изображая поцелуй, мы шипели:

– Занавес! Занавес, гад...

На заднике с портрета на нас укоризненно смотрел Антон Павлович.

Или вот ещё случай. В какой-то сцене хозяйка должна поить чаем гостей из самовара. Самовар торжественно водрузили на стол, стали наполнять чашки, а вода не льётся. Где

же она? Как выяснилось после, кто-то за кулисами, проходя мимо самовара, задел кран, и вся вода ушла. (Нечаянно)

А как тяжело было автору этих строк в финальной сцене спектакля «Без вины виноватые». Обнимать и целовать голову своего сына, которого играл мой учитель литературы.

Своих учителей мы уважали и любили. Они учили нас правилам жизни, как дружить, «общаться», трудиться.

Интересный случай произошел со мной на вступительном экзамене по физике в МГПИ им. В.И. Ленина. Спросили из какого я города, кто меня учил физике, и какая была оценка. Когда узнали, кто был мой учитель в школе, поставили отлично без экзамена. Экзаменаторы объяснили это тем, что знают моего учителя, уважают и доверяют ему.

В пору своего детства и юности мы не задумывались, что у учителя была своя жизнь, своя семья, мужья, жены, дети. Не представляли, что наша дама в голубом, учительница литературы, могла убирать в своей квартире, варить обед. Тогда они принадлежали нам, только нам.

Небо в алмазах

Когда-то среди школьных предметов была «Астрономия». Чтобы освоить программу в полном объеме мой 10А посещал Московский планетарий шесть раз в год. Великолепный аппарат «Планетарий», великолепный зал, прекрасный лектор по фамилии Левитан. А на подходе к планетарию, буквально в пятидесяти метрах, кафешка-стекляшка, где можно

принять сто граммов и бутерброд. Вечером старшеклассники косяками тянутся на лекции в планетарий. Кто придумал открыть на этом месте «Рюмочную»? Думаю, что это тот же самый человек, который построил в лесу, рядом с пионерским лагерем асфальтовый заводик. Троечник.

Благополучно добрались до планетария, заняли свои места и на полтора часа погрузились в сказку. Полная темнота, яркие звезды, и вдруг в этой волшебной тишине, под самый купол пошёл звук, медленный и протяжный:

– Ребята ...! Меня к вам не пускают...

Узнаю голос Васи. Опоздал, в кафешке задержался. Перекусил так, что в планетарий его привёл лейтенант милиции.

Каждая наша лекция традиционно заканчивалась прекрасным зрелищем: звезды постепенно тают и над Москвой разгорается восход солнца. Восторг, аплодисменты и неожиданное продолжение. На площадке у входа два десятка парней лупят друг друга солдатскими ремнями, нанося пряжками не шуточные удары. Как учили нас в школе, в жизни всегда есть место подвигам. Не думая ни секунды, мы, две молодые учительницы, бросаемся в центр этой мясорубки. Бой удастся прекратить. Медленно направляемся к метро и вдруг залп такой силы, что уши мгновенно заложило, а в небо взмыл разноцветный фейерверк. Жизнь полна неожиданностей. Как сказал поэт:

«Всё мгновенно, всё пройдет,
Что пройдет, то будет мило!»

Горячая экскурсия

Совершенно неправы те, кто считает, что учительский труд – это работа у доски, бесконечные пачки тетрадей по вечерам, душеспасительные разговоры с родителями. А бывает и такое. Наградили нас не грамотой, не вымпелом, а поездкой в Запорожье. Встретили очень тепло, разместили в общежитии и на завтра повезли на экскурсию на завод «Запорожсталь». В некоторых цехах просто захватывало дух от одного вида громадных машин и механизмов. При разливке стали нас от гордости за человека, кажется, подняло над землей.

Мы русские очень гостеприимный народ, умеем работать, умеем и отдыхать.

Вечером оперный театр был отдан молодежи. Был дан настоящий бал. Гремела музыка, профессиональные танцевальные пары удивляли нашу молодежь своим мастерством. Учителя на балконе могли позволить себе по бокалу шампанского. Уезжали через пять дней довольные, груженные кастрюлями, сковородками и рыбой бельдюгой.

Не все знают, что с 1830 года в Москве работал завод, на котором плавил металл, катали стальной лист, изготавливали трубы, проволоку. Во время войны завод выпускал башни для танков. Назывался завод «Серп и молот». Пока не остыл интерес, решили посетить завод. По специальному балкону можно было пройти над конвейером, по которому прогонял-

ся разогретый до красного каления стальной прут. В конце конвейера стоял человек. Он выхватывал этот прут, разворачивал его перед собой и мгновенно заправлял в новое отверстие для следующей прокатки и растяжки. Так из раскаленной заготовки рождалась проволока. Ребята как замороженные смотрели на человека в конце конвейера. На нем была ватная одежда и огромные валяные сапоги до колена обернутые железом. Как нам объяснили позднее, на своем рабочем месте он мог находиться не более двадцати минут. На выходе из цеха один ученик сказал мне: «Теперь я знаю, что такое пролетариат». Через два дня он написал стихи о людях этой горячей профессии.

Сегодня этот завод исчез с карты города. На этом месте будут построены жилые дома.

Очередь за счастьем

Дмитрий Сергеевич Лихачев в 32 письме обращенном к юношеству писал: «Искусство освещает и одновременно освящает жизнь человека. И снова повторяю, делает его добрее, а, следовательно, счастливее. Но понимать произведение искусства далеко не просто. Этому надо учиться – учиться долго, всю жизнь».

Учиться мы начали в пятом классе. Целый год слушали лекции в лекционном зале Третьяковской галереи. В галерею не входили. В конце года, весной, настал долгожданный момент. Ура! Мы едем в галерею. Началось наше посеще-

ние с домово́й церкви Третьяковых. Именно здесь произошла символическая встреча – соприкосновение. Каждый постоял перед иконой Владимирской Божией Матери, на том самом месте, где стоял Павел Михайлович во время церковных служб. Осторожно ступая по лестнице, притихшие ребята спустились в холл и были отпущены, совершенно самостоятельно знакомиться с искусством. Через час в назначенное время встретились. Уже затемно, дети были отданы на руки родителям.

На следующий день ребята писали на уроке о своих впечатлениях об увиденном. О сколько открытий чудных дали эти письма. Откровение первое: «Я бы хотел вынести из комнаты всю мебель, поставить стул в середине комнаты, а на стену повесить картину «Демон». Кто-то сочувственно откликнулся на картину В. Петрова «Тройка». Сильно удивила коротенькая записка: «Больше всех мне понравилась картина «Над вечным покоем» не помню кого». Автор записки теперь хирург. Как соединить в одно целое тринадцать лет и «Над вечным покоем» И.Левитана. Ещё одно откровение оказалось просто пророческим: «Для «Купания красного коня» я считаю надо найти другое помещение». Сейчас красного коня купают в Третьяковской галерее на Крымском валу. Этот мальчик через три года станет президентом школьной республики.

Дети быстро растут. И вот они уже инженеры, врачи, физики, политологи. Сегодня трудно поверить, как в 12-13 лет

они могли размышлять над увиденным, как тонко чувствовать. И совершенно неважно, что кто-то пробежал за час всю галерею, а кто-то надолго задержался перед картиной «Не ждали». Совершенно не страшно, что кто-то смотрел балет затаив дыхание, а кто-то весь спектакль проспал под креслом. Однажды мне удалось воплотить в жизнь, казалось, совершенно бредовую идею. Я пригласила артистов Московской областной филармонии дать на школьной сцене в концертном исполнении оперу «Евгений Онегин» На завтра в школьных коридорах пели:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.